

Я. С. ЛУРЬЕ

О путях развития светской литературы в России и у западных славян в XV—XVI вв.

Культурные и литературные взаимоотношения между Россией и западнославянскими странами в XV—XVI вв. имели иной характер, нежели взаимоотношения России с южными славянами. Южнославянская, в первую очередь болгарская, письменность широко проникала на Русь во времена Киевского государства и феодальной раздробленности; она прямо и непосредственно воспринималась здесь и становилась органической частью собственнорусской литературы. В XIV—XV вв. характер отношений между Россией и остальным славянским миром изменился. Завоеванные турками Сербия и Болгария перестали существовать как самостоятельные государства; серьезный удар был нанесен и национальным литературам этих стран. Влияние на русскую письменность отдельных памятников южнославянской литературы и отдельных южнославянских писателей, эмигрантов из Сербии и Болгарии, не прекратилось в XV в., но в то же время русская письменность естественно должна была все более обращаться к литературам тех славянских стран, которые еще сохранили свою политическую и культурную независимость — Чехии и Польши.

Памятники чешской и польской литературы не могли восприниматься русской письменностью XV—XVI вв. так легко и органично, как древнеболгарские памятники. Литературные языки восточных и западных славян прошли к этому времени большой путь развития; западнославянские памятники ощущались в России как иностранные, хотя и написанные на близких и более или менее понятных языках; давали себя знать и идеологические различия между русской и западнославянской, «латинской» культурой.

История русско-польских и русско-чешских литературных отношений в XV—XVI вв. довольно мало привлекала внимание исследователей. Русско-чешским связям посчастливилось больше, чем русско-польским. Вопрос этот интересовал уже славистов XIX в. (например, И. Первольфа);¹ в 1935—1947 гг. вышла в свет капитальная монография А. В. Флоровского «Чехи и восточные славяне»;² недавно была опубликована книга чешской исследовательницы Х. Прохазковой на эту же тему.³ Но материала, относящегося к собственно литературным отношениям XV—XVI вв., в этих работах немного. А. В. Флоровский пишет о политических связях гуситской Чехии с Литовской Русью: тщательно собирает все данные, которые свидетельствуют о знакомстве Северо-Восточной Руси с со-

¹ И. Первольф. Славянская взаимность с древнейших времен до XVIII в. СПб., 1878.

² А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. I. Прага, 1935; т. II. Прага, 1947.

³ Z. Procházková. Po stopách dávného přátelství. Praha, 1959.

бытиями в Чехии; переходя к литературным отношениям, он говорит только о чешских текстах, усвоенных в Белоруссии в XV—XVI вв., и об украинских списках «Луцидариуса», восходящих к чешскому оригиналу.⁴ Х. Прохазкова упоминает лишь о косвенных литературных отражениях взаимного знакомства обоих народов (упоминание Гуса в Ипатьевской летописи, чешские связи Пересветова и т. д.).⁵

Еще хуже обстоит дело с изучением русско-польских литературных отношений XV—XVI вв. Исследуя переводную литературу, бытовавшую на Руси в XIV—XVII вв., А. И. Соболевский пришел к заключению, что «говорить о преимущественном влиянии польской литературы на литературу Московской Руси мы не имеем никакого права» и что «произведений писателей поляков у нас было сравнительно немного».⁶ Очень коротко и поверхностно коснулся этого вопроса А. Брюкнер в своей очерке «О русской литературе и наших отношениях с нею ныне и триста лет тому назад». Пренебрежительно заметив, что литература древней Руси состояла из «убогих переводов отцов церкви и других греческих религиозных сочинений, хроник и нескольких повестей, например об Александре Македонском», он пишет: «Если что-нибудь здесь изменилось, то этим Московская Русь обязана Руси Киевской, которая сама научилась у Польши писать и мыслить». Конкретно, однако, в очерке А. Брюкнера речь шла о переводах с польского, сделанных в основном в XVII в. Другой польский автор Я. Янув в своем обзоре литературы вопроса указывал, что проблема польских влияний на Русь рассматривалась случайно, в связи со специальными работами и что исчерпывающего и полного исследования по этому вопросу до сих пор нет.⁷

Недостаточная разработка вопроса о литературных связях между западными славянами и Россией в XV—XVI вв. несомненно в значительной степени объясняется отсутствием фактического материала. Но для изучения отношений между литературами Чехии, Польши и России не обязательно рассматривать случаи прямого перехода литературных памятников из одной славянской страны в другую. Не менее важно для понимания культурной истории этих стран сопоставление общих путей развития чешской, русской и польской литератур, установление сходства и различия в репертуаре литературных памятников, имевших хождение у западных и восточных славян. При такой постановке вопрос о литературных отношениях между западными славянами и Россией становится частью общей проблемы взаимоотношений между русской и мировой литературой XV—XVI вв. Для западнославянских литератур этот период был временем глубоких изменений: в Чехии и Польше начала развиваться светская литература на национальных языках, отражавшая веяния предреформационных и реформационных движений, Возрождения и гуманизма.

⁴ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. II, стр. 28—45. Далее А. В. Флоровский разбирает «Повесть о Брунцвике», известную в Северо-Восточной Руси, но не ранее XVII в. (стр. 45—51).

⁵ H. Procházková. Po stopách dávného přátelství, стр. 28 и 37—48.

⁶ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XVI—XVII вв. СПб., 1903, стр. 50.

⁷ A. Brückner. O literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dziś i lat temu trzysta. Lwów—Warszawa, 1906, стр. 35—53; J. Janów. Wpływy polskie na literaturę Rusi do XVIII w. (Przegląd badań dotychczasowych). II Międzynarodowy zjazd slawistów (filologów słowiańskich). Warszawa, 1934, стр. 69—73. Предметом исследований самого Я. Янува были западнорусские «Страсти Христовы» (см. прим. 26), «Варлаам и Иоасаф» и ряд западнорусских памятников XVII в., связанных с влиянием польской литературы (ср.: T. Ulewicz. Dorobek naukowy Jana Janowa w zakresie dziejów dawnego piśmiennictwa i kultury. Pamiętnik Słowiański, t. IV, rocznik 1954. Wrocław—Poznań, 1955, стр. 52—60, стр. 60—70 — Zestawienie bibliograficzne).

Вопрос об отношении России к Реформации и Возрождению лишь недавно стал рассматриваться в научной литературе. В старом литературоведении прочно господствовал высказанный еще А. Н. Пыпиным взгляд, согласно которому «для древней Руси действительно остались чужды те великие движения в области веры и мысли, которые волновали Запад еще с половины средних веков и результатом которых явилось Возрождение».⁸ Об отношении России к Реформации писали М. Соколов и Д. Цветаев; сравнительно недавно к этой теме обратился и немецкий исследователь Л. Мюллер. Однако в этих работах речь шла только об отдельных представителях западного протестантизма и о политике русских светских и духовных властей по отношению к ним.⁹ Ничего не дает для решения общего вопроса о России и Реформации обзорная статья В. Кирхнера «Россия и Европа в век Реформации». Автор полагает, что «идеи, которые потрясли основания западного христианства, не смогли проникнуть за его восточные границы». Но термин «реформационные движения» В. Кирхнер понимает чрезвычайно узко: реформационными движениями в России он согласен считать только такие движения, которые возникли бы под «прямыми влияниями» аналогичных западных движений. «Параллельные движения», возникающие «спонтанно» под влиянием сходных экономических и «общечеловеческих» условий, заранее отстраняются автором.¹⁰ Естественно, что такая постановка вопроса (в соединении с весьма поверхностным рассмотрением материала — без учета работ на русском языке) предопределила отрицательные выводы, сделанные В. Кирхнером. Несколько иначе подходит к этой теме немецкий исследователь К. Онаш: отвергая априорное утверждение, будто греко-православному миру были чужды какие бы то ни было элементы Ренессанса и Предреформации, автор, однако, видит некоторую связь с этими движениями только в византийском исихазме, выводя из него и русские идеологические движения XIV—XVI вв.; он рассматривает как «историческую трагедию» то обстоятельство, что «в русском православии никогда не было широких связей с идеями предреформации и реформации».¹¹

Советское литературоведение в отличие от дореволюционного и западного не считает чуждыми России те «великие движения в области веры и мысли», которые привели на Западе к Возрождению и Реформации. Реформационным движениям на Руси в XIV—первой половине XVI в. было посвящено в последние годы несколько специальных работ.¹² По мнению советских литературоведов, «русская культура XV—XVII вв. в разнообразных ее проявлениях была вовсе не так далека от гуманистической культуры эпохи Возрождения... мы имеем полное право говорить о явлениях гуманизма на русской почве в этот период».¹³

⁸ А. Н. Пыпин. История русской литературы, т. II. СПб., 1898, стр. 72.

⁹ М. Соколов. Отношение протестантизма к России в XVI и XVII веках. М., 1880; Д. Цветаев. Протестантизм и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890; Ludolf Müller. Die Kritik des Protestantismus in der russischen Theologie vom XVI bis zum XVIII Jahrhundert. Wiesbaden, 1951.

¹⁰ W. Kirchner. Russia and Europe in the Age of the Reformation. — Archiv für Reformationsgeschichte, t. XLIII, 1952, стр. 173, 180—181 и 184—186.

¹¹ K. Onasch. Renaissance und Vorreformation in der byzantinisch-slavischen Orthodoxie. — Aus der Byzantinischen Arbeit der DDR, t. I (Berliner Byzantinische Arbeiten, B. 5). Berlin, 1957, стр. 288—302.

¹² Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в. М.—Л., 1955; А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М., 1958; А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI в. М., 1960.

¹³ М. П. Алексеев. Явления гуманизма в литературе и публицистике древней Руси. (IV Международный съезд славистов. Доклады). М., 1958, стр. 38.

Естественно встает вопрос о сопоставлении предреформационных, пред-ренессансных и реформационно-гуманистических тенденций в русской культуре и литературе с аналогичными тенденциями в литературах других славянских народов. В этом плане русско-славянские связи уже рассматривались в советском литературоведении. Характеризуя так называемое «второе южнославянское влияние в России», Д. С. Лихачев видит в нем отражение на русской почве «восточноевропейского Предвозрождения», понимая под этим термином такие общественные и культурные явления, как «Палеологовский ренессанс» в искусстве, исихазм и противостоящее ему движение варлаамитов и т. д. Однако, как отмечает Д. С. Лихачев, «восточноевропейское Предвозрождение» — это еще никак не «Возрождение», подобное тому, какое знала Италия в XIV—XV вв., а другие страны Европы — в XV—XVI вв. Это движение «еще не противостоит средневековью. Религиозное начало не оттесняется на второй план, как это было в западноевропейском Возрождении. Напротив, оно развивается в пределах религиозной мысли и религиозной культуры».¹⁴

Если «второе южнославянское влияние» позволяет связывать русскую культуру конца XIV—начала XV в. с восточноевропейским Предвозрождением, то русско-чешские и русско-польские связи дают основание поставить вопрос об отношении русской литературы к литературам, непосредственно отражавшим веяния Возрождения и Реформации.

При этом нам необходимо, конечно, учитывать, что и Чехия, и Польша не достигли Ренессанса и Реформации в их вполне зрелом и законченном виде. Разложение феодального строя в обеих западнославянских странах не зашло в XV—XVI вв. так далеко, как в наиболее развитых странах Западной Европы. Чехия раньше других европейских государств пережила широкое религиозное движение, направленное против феодально-католической системы, но это движение было все же скорее Предреформацией, чем Реформацией. В Польше Реформация, начавшись в XVI в., не имела в отличие от североевропейских стран полного успеха. Гуманистические движения в Чехии и Польше также не достигли такого развития, как в Италии, Германии, Франции и Англии. Тем интереснее, однако, сопоставление западнославянских стран с Россией, которая находилась еще дальше от центров реформационно-гуманистических движений Западной Европы и по своему социально-экономическому развитию сильно отставала от наиболее передовых европейских стран. Такое сопоставление позволит установить и элементы сходства в путях развития русской и западнославянских литератур XV—XVI вв., и присущие им различия.

I

Развитие культурных связей между Россией и западнославянскими странами в XV в. во многом зависело от международно-политических отношений. В первой половине века важнейшим связующим звеном между русскими княжествами, с одной стороны, и Польшей и Чехией — с другой, был великий князь Литовский Витовт, формально считавшийся вассалом своего двоюродного брата польского короля Ягайло, но фактически ведший вполне самостоятельную внешнюю и внутреннюю политику. После начала гуситских войн в Чехии и разрыва чехов с германским императором Витовт согласился принять чешскую корону и послал в Прагу своего наместника Сигизмунда Корибутовича. Через Литовское государство завя-

¹⁴ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. (IV Международный съезд славистов. Доклады). М., 1958, стр. 40—52.

зывались первые связи гуситов с русскими землями. Еще в 1413 г., до сожжения Гуса, его ближайший сподвижник Иероним Пражский посетил Польшу, Литовскую Русь (в частности, Витебск) и Псков, где подчеркнуто выражал свое уважение к православным церковным обрядам.¹⁵ В последующие годы, заявляя о своей готовности обсудить религиозные споры с католиками на церковном соборе, гуситы неизменно требовали участия в таком соборе представителей греко-православных церквей; в середине XV в. (до падения Константинополя) они вели прямые переговоры с константинопольским патриархом.¹⁶

Интерес гуситов к русским землям не ослабел и во второй половине XV в., когда отдельные княжества Северо-Восточной Руси были объединены в государство с центром в Москве и между Московской Русью и Польско-Литовским государством, находившимся в тот период под общей властью Казимира Ягеллона, началась борьба. Одна из наиболее развитых гуситских организаций — «чешские братья» — послала своих представителей к русским, сербам и армянам, рассчитывая, что среди этих народов «могут быть верные люди и добрые христиане». Вот что рассказывает чешский памятник 70-х годов о религиозных обычаях русских: «Также и руссы. Каждого они посвящали, который только давал дары, как они недавно посвящали трех чехов, не узнавая, каков их образ жизни. И те исправляли службу, хотя не были посвящены папской властью, ибо они терпят всех, которые только исправляют службу. Таким же образом они некоторых вальденсов приняли, которые также службу исправляли».¹⁷ О какой Руси здесь идет речь: о Московской или о Литовской? Едва ли о последней: со второй половины XV в. литовская митрополия «всая Руси», отделившаяся от московской, признала унию с католической церковью, против которой выступали чехи; литовская митрополия была тесно связана с константинопольской патриархией и не могла позволять себе особых вольностей в поставлении священников. Напротив, московская митрополия, порвавшая с патриархом (с 50—70-х годов XV в.), еще не определила в этот период своих новых иерархических принципов и могла терпеть «всех, которые только исправляют службу». Во всяком случае во время следующей экспедиции такого рода «чешские братья» несомненно завязали связь с Московской Русью: в 1491 г. они вновь разослали своих представителей по греко-православным землям; один из этих представителей (Мареш Коковец) посетил Москву.¹⁸

Все более обострившиеся отношения между «государем всея Руси» Иваном III и Ягеллонами не благоприятствовали дальнейшему развитию связей с западным славянством: в 1471 г. на освободившийся (после смерти Юрия Подебрада) чешский престол был избран сын Казимира Владислав, и таким образом оба западнославянских государства оказались под властью династии Ягеллонов. Но с начала 80-х годов Иван III вступил в дипломатические сношения с другим государем, тесно связанным со

¹⁵ А. В. Флоровский. Чехи и восточные славяне, т. I, стр. 345—355.

¹⁶ Там же, стр. 371.

¹⁷ J. Goll. Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der Böhmischen Brüder. Prag, 1878, стр. 100 и 103; ср.: Ю. Анненков. Гуситы в России в XV и XVI вв. (оттиск из журнала «Странник»). СПб., 1878, стр. 10—11 (по материалам архива в Гернгуте).

¹⁸ Martina Kabatníka Cesta z Čech do Jerusalema a Kaira r. 1491—1492, vyd. I. V. Prašek. — Sbírnka pramenův ku poznání literárního života v Čechách, na Moravě a v Slezsku, sk. 1, ř. 2, č. 1. Praha, 1894, стр. 1—2 (предисловие Адама Бакарже к отчету одного из посланных «чешскими братьями» лиц, Кабатника; отчеты остальных путешественников не сохранились); Ю. Анненков. Гуситы в России в XV и XVI вв., стр. 11—12.

славянским миром — с венгерским королем Матвеем Корвиным, владевшим в то время такими бывшими землями Чешского королевства, как Словакия и Моравия. В 1482—1484 гг. в Венгрию и Молдавию ездил посол Ивана III Федор Васильевич Курицын, ведший переговоры о союзе против Ягеллонов.

Культурные связи между Русским государством и западославянскими землями во второй половине XV в. представляют особый интерес благодаря одному обстоятельству: именно в этот период на Руси начинается идеологическое движение, во многих отношениях сходное с чешским гусизмом, — новгородско-московская ересь (так называемая «ересь жидовствующих»). Федор Курицын, находившийся в 1482—1484 гг. в Венгрии, где гусизм был широко распространен в славянских областях, и в Молдавии, куда (особенно после 1481 г.) бежало немало гуситов,¹⁹ был не только первым дипломатом Московской Руси, но и виднейшим еретиком, «начальником тем всем злодеям», как его именовали «обличители» ереси.²⁰ У нас нет, к сожалению, сведений о прямых связях между русскими еретиками и гуситами, но параллельность обоих движений, сходство их характера (отрицание церковного «предания», иконоборчество, даже хилиастические настроения)²¹ не вызывают сомнений. В этой связи особый интерес представляет утверждение новгородского архиепископа Геннадия, будто ересь в Москве стала развиваться с тех пор, «как Курицын из Угорские земли приехал», привезя с собой и иностранного участника еретического кружка, «угрянина Мартынку».²² О том, что члены русского посольства 1482—1484 гг. занимались в Венгрии и Молдавии не только переговорами о союзе против Казимира, свидетельствуют многочисленные подробности из жизни этих и соседних с ними стран, сохранившиеся в «Повести о Дракуле», написанной как раз в 80-х годах XV в. при вероятном участии того же Федора Курицына.

Как же отразились культурные связи с западославянскими странами на русской литературе XV в.? Мы уже отметили, что прямых заимствований из западославянских литератур среди памятников XV в. почти не известно. Тексты «Луцидариуса», «Тристана и Изольды» и других памятников, восходящих к чешскому оригиналу, получили распространение только в Западной, Литовской Руси (да и то в основном в XVI, а не в XV в.); в Русском государстве уже с конца XV—начала XVI в. тоже был известен «Луцидариус» (сборник с рядом сведений естественнонаучного содержания), но этот текст был переведом не с чешского, а с немецкого оригинала.²³ Польская и западнорусская (белорусская) лексика обильно отражена в русских «Посольских делах» XV в.; в XV в. на Руси были переведены и переписаны статуты польских королей Казимира Великого и Ягайло;²⁴ но памятники, проникавшие на Русь из Польско-

¹⁹ J. M a s ů r e k. Husitství a rumunské země. — В кн.: Co daly naše země Evropě a lidstvu. Praha, 1939, стр. 88—89; ср.: В. Н. Н и к и т и н а. Распространение гуситских идей в Венгрии в 30-х годах XV в. — Ежегодник Музея истории религии и атеизма, 1. М.—Л., 1957, стр. 333—349.

²⁰ Н. А. К а з а к о в а и Я. С. Л у р ь е. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в., стр. 381.

²¹ Ср.: Я. С. Л у р ь е. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI века. М.—Л., 1960, стр. 177, 184—185 и 381—383.

²² Н. А. К а з а к о в а и Я. С. Л у р ь е. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в., стр. 377 и 381.

²³ Н. С. Т и х о н р а в о в. Сочинения, т. 1. М., 1898, стр. 304—305; А. В. Ф л о р о в с к и й. Чехи и восточные славяне, т. II, стр. 42.

²⁴ ГИМ, Увар., № 702; S. R o m a n, A. V e t u l a n i. Ruski przekład polskich statutów ziemskich z rękopisu moskiewskiego. Wrocław—KraKów, 1959.

Литовского государства, не были, как правило, произведениями западно-славянской письменности. Это были сочинения, ходившие среди русского (белорусского и украинского) населения Литовского государства и попавшие оттуда в Северо-Восточную Русь,²⁵ но восходившие к оригиналам, написанным обычно не на западнославянских языках. Неизвестно, к какому оригиналу, польскому или латинскому, восходили, например, такие переведенные в Западной Руси, но сохранившиеся в русской рукописной традиции XV в. апокрифы, как повесть о страстях Иисуса Христа (основанная на «Никодимовом евангелии») и другие.²⁶ Памятники средневековой науки (философии, космографии, астрономии), проникавшие в XV—XVI вв. в Московскую Русь из Западной Руси, восходили не к польским, а к еврейско-арабским оригиналам. Памятники эти, связывавшиеся обычно в старой историографии с «ересью жидовствующих», в действительности не имели прямого отношения к новгородско-московской ереси (только два из них, «Логика» Маймонида-Аль-Газали и «Шестокрыл», были известны новгородским еретикам), но они свидетельствовали о широких светских интересах, возможно даже о гуманистических веяниях в Западной Руси,²⁷ и о том, что культурные связи между Польско-Литовским и Русским государствами далеко не ограничивались сферой церковной литературы и летописания.

Из произведений литературы, в более узком смысле этого слова (беллетристики), только одно обнаруживает некоторые следы западнорусского происхождения — «История Троянская» Гвидо де Колумна, памятник, на характере и значении которого мы еще остановимся. Западнорусские элементы в лексике этого памятника (такие слова, как «шкота») объяснялись исследователями по-разному: либо как признак того, что русский текст «Истории Троянской» восходит к той же переводческой школе, которая перевела «Логик» Маймонида и другие еврейско-арабские памятники,²⁸ либо как признак следования «известной литературной моде», вовсе не характеризующий лексику «Истории» в целом.²⁹

²⁵ О литературном обмене между Западной и Северо-Восточной Русью см.: А. Д. Седелников. «Послание от друга к другу» и западнорусская книжность XV века. — Известия АН СССР, VII серия, Отделение гуманитарных наук. Л., 1930, № 4, стр. 223—239.

²⁶ ГИМ, Синод., № 367, лл. 354—492; ср.: ГПБ, Q.1.391, лл. 1—96 об.; М. Сперанский. Славянские апокрифические евангелия. М., 1895, стр. 94—95; Е. Ф. Карский. Западнорусский сборник XV в. — ИОРЯС, т. II, кн. 3. СПб., 1897, стр. 964; Страсти Христовы в западнорусском списке XV века. Труд Н. М. Тупикова. — ПДПИ, СХЛ. СПб., 1901; Повесть о трех королях волхвах в западнорусском списке XV века. Труд В. Н. Перетца. — ПДПИ, СЛ. СПб., 1903; J. Jan ó w. Legendarno-apokryficzne opowieści ruskie o męce Chrystusa. — Prace Filologiczne, t. XV, cz. II. Warszawa, 1931. М. С. Грушевский считал возможным, что «Страсти Христовы» были не переводом, а белорусской или украинской компиляцией по католическим источникам (М. Грушевський. Історія української літератури, т. V. Київ, 1926, стр. 101—102). Сборник Синод., № 367 в целом несомненно составлен на московской почве, что видно из того, что он включает родословие московских князей (см. прим. 50).

²⁷ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XVI—XVII вв., стр. 396—428; Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI в., стр. 144—145. Вслед за А. И. Соболевским и М. С. Грушевский связывал указанную переводную литературу с новгородской «ересью жидовствующих»; однако он правильно отмечал, что эта литература свидетельствует о значительной оживленности культурной жизни Украины (и вообще Западной Руси) в конце XV—начале XVI в. (М. Грушевський. Історія української літератури, т. V, стр. 73—92).

²⁸ Н. В. Гепленер. К истории перевода повести о Трое Гвидо де Колумна. — Сборник статей к 40-летию ученой деятельности А. С. Орлова. Л., 1934, стр. 357—358.

²⁹ А. С. Орлов. Повесть кн. Катырева-Ростовского и «Троянская история» Гвидо де Колумна. — Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пгр., 1917, стр. 77; ср.

Но вопрос об отношении русской литературы XV в. к литературам западных славян — это, как мы уже указывали, не только вопрос о взаимных влияниях этих литератур. Если в идеологическом развитии западного и восточного славянства мы наблюдаем известный параллелизм, то естественно искать параллельных явлений и в истории литературы этих стран.

Как известно, развитие письменности на национальных языках происходило у западных славян медленнее, чем у восточных и южных; развитию славянской письменности препятствовала здесь католическая церковь, признававшая лишь один официальный язык церковного культа — латинский. В Чехии, где борьба против безраздельного господства церкви в идеологии началась раньше, чем в Польше, письменность на родном языке была достаточно широко распространена еще до XV в.; в Польше только к концу XV—началу XVI в. родной язык начинает вытеснять латинский язык из литературы. Меняется и характер литературы у обоих западнославянских народов. Наряду с деловой письменностью, публицистикой (гуситская литература в Чехии, сочинения Гжегожа из Санока и Филиппа Калимаха в Польше) и памятниками полуцерковной, полусветской литературы (например, «Повесть о Варлааме и Иоасафе», переведенная в XV в. на чешский язык)³⁰ в западнославянских странах начинает развиваться и чисто светская художественная литература (беллетристика). Уже к концу XV в. многие популярные сюжеты городской и рыцарской литературы позднего средневековья либо в переводах на славянские языки, либо по латинским текстам были известны в Чехии и Польше.

Одним из наиболее любимых памятников рыцарской литературы на Западе был роман об Александре Македонском, составленный в X в. (на основе эллинистического романа, приписываемого Каллисфену) архиепископом Неаполитанским Леоном и именуемый обычно «Историей о битвах Александра Македонского» (*Historia Alexandri magni, Regis Macedoniae, de proeliis*); в XII в. появилось поэтическое переложение биографии Александра, принадлежавшее Гвальтеру де Кастельоне (Готье Шательон). На основе этой поэмы (и ее немецкой обработки Вальтера фон Эшенбаха) была составлена в начале XIV в. чешская «Александрейда»;³¹ перевод прозаической «Истории о битвах Александра» был сделан несколько позже — в XV в.³² С темами античности связывали средневекового читателя и рассказы о Троянской войне, восходившие в литературе того времени не к поэмам Гомера, а к позднеримским компиляциям псевдо-Дарета и псевдо-Диктиса. В XV в. на чешский язык была переведена одна из средневековых переработок псевдо-Дарета и псевдо-Диктиса — «Троянская хроника» Гвидо де Колумна; этот перевод был первой книгой, напечатанной (в 1468 г.) на чешском языке.³³ В Польше XV в. «История о битвах Александра» и «Троянская хроника» были известны в латинских списках;

А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Л., 1934, стр. 43—45.

³⁰ Ср.: I. Франко. Варлаам і Йоасаф, старохристиянський духовний роман і його літературна історія. — Записки наукового товариства імені Шевченка, р. VI, кн. IV, т. XVIII. Львів, 1897, стр. 108—109. Текст чешского «Варлаама и Иоасафа» (перевод Томаса Штитного) см.: Barlaam a Josafat, preložil Tomáš ze Štítného. — Památky staré literatury české, N 2. Praha, 1946.

³¹ Staročeská Alexandreida. Uspořádal V. Vážný. Praha, 1949; ср.: H. H. Bie lfeldt. Die Quellen der alttschechischen Alexandreis. Berlin, 1951.

³² Текст см.: Fr. Pr u s i k. Kronika o Alexandru Velikém. — Krok, ročník VIII—XI. Praha, 1894—1897; перепечатано (неполностью) в сборнике: Proza z doby Karla IV. Praha, 1948, стр. 226—242; ср.: J. Vlček. Dějiny české literatury, I. Praha, 1960, стр. 35—36, 217.

³³ J. Vlček. Dějiny české literatury, I, стр. 216—217; Proza z doby Karla IV, стр. 278—324.

в XVI в. был издан польский перевод романа об Александре и польская переделка «Истории разрушения Трои» псевдо-Дарета.³⁴ Романы об Александре и о Троянской войне привлекали средневекового читателя с разных точек зрения. Романы эти воспевали рыцарские доблести (перенесенные на античную почву), рыцарское служение даме; вместе с тем литература такого рода (в особенности роман об Александре) противопоставляла низменной реальности средневековой жизни мечту о далеких, утопических землях (Индия, земля блаженных, которую посещает Александр). Западноевропейская литература, развивающая обе эти темы, была также известна в Чехии и Польше. Рыцарские романы о Тристане и Изольде, об Аполлонии Тирском, о Штилфриде и Брунцвике и другие были переведены на чешский язык уже в XIV—XV вв.;³⁵ в Польше переводы рыцарских романов начались позднее, но уже в XV в. в польской (как и в чешской) рукописной традиции был распространен латинский сборник «Римские деяния» (*Gesta Romanorum*), включивший в себя ряд памятников рыцарской (Аполлоний Тирский) и иной светской литературы (в XV в. «Деяния» были переведены на чешский, а в начале XVI в. — на польский язык).³⁶

Из числа популярных в средние века сказаний о «блаженных странах» в западославянских странах были известны послание легендарного индийского царя-священника Иоанна византийскому императору³⁷ и связанный с этим посланием полуфантастический «дорожник» англо-норманского рыцаря Мандевилля.³⁸

Наряду с «высокой литературой» рыцарского романа и утопических легенд позднее средневековье выдвигает литературу иного типа, отражавшую своеобразный «протест реальности» против феодально-рыцарского идеала.³⁹ В XIV—XV вв. роль этой городской, басенно-сатирической литературы становится особенно значительной: если рыцарский роман, сохранявший популярность вплоть до времен «Дон-Кихота», был по своему характеру порождением средневековья и его культуры, то городская литература (во всяком случае в ее письменной форме) знаменовала собой кризис феодально-рыцарской идеологии; творчество наиболее выдающихся

³⁴ Ср.: J. Krzyżanowski. *Romans polski wieku XVI*. Lublin, 1934, стр. 14—15, 25, 31—32. Перечисление польских изданий «Истории Александра Великого» и литературы о них см.: Bibliografia literatury polskiej okresu Odrodzenia (Materiały). Opracowali K. Budzyk, R. Pollak, S. Stupkiewicz. Warszawa, 1954, стр. 102—103, 106—107. Изд.: Historia Trojańska 1563, wyd. S. Adalberg. — Biblioteka Pisarzy Polskich, 31. Kraków, 1896; о польском варианте Троянской истории, кроме работы Кржижановского, см.: J. Mańkowski. Historia trojańska w literaturze i kulturze polskiej wieku XVI. — *Meander*, rok XVII, 7—8. Warszawa, 1962, стр. 351—354, 360—365.

³⁵ Ср.: J. Vlček. *Dějiny české literatury*, I, стр. 36—38, 217.

³⁶ Перечисление латинских списков «Римских деяний», писанных в Польше (все, кроме одного, в XV в.), см.: С. Л. Пташицкий. Средневековые западноевропейские повести в русской и славянских литературах. Истории из римских деяний. — Историческое обозрение, т. VI. СПб., 1893, стр. 166—178, 179—193 (о чешском переводе XV столетия). Текст чешских «Деяний» см.: *Průza z doby Karla IV*, стр. 170—188, ср. также: J. Krzyżanowski. *Romans polski wieku XVI*, стр. 14—15, 113; Bibliografia literatury polskiej. . . , стр. 105; J. Vlček. *Dějiny české literatury*, I, стр. 40, 217.

³⁷ Перечисление латинских текстов послания, сохранившихся в польских и чешских рукописях XIV—XV вв., см.: Fr. Zarnke. *Der Priester Johannes*. Leipzig, 1879, стр. 54, 61, 68, 73—74, 76; ср.: J. Krzyżanowski. *Romans polski wieku XVI*, стр. 14; текст одного из этих списков см. в приложении к книге: *Kronika węgierska na początku wieku XII*. Warszawa, 1823, стр. 146—165.

³⁸ А. Н. Веселовский. Южнорусские былины. СПб., 1884, стр. 174; J. Jakubec. *Dějiny literatury české*, I. Praha, 1929, стр. 5, 295, 305—306; J. Krzyżanowski. *Romans polski wieku XVI*, стр. 14.

³⁹ Ср.: А. Н. Веселовский. Поэтика сюжетов. — *Собрание сочинений*, т. 2. вып. 1. СПб., 1913, стр. 146—147.

представителей этой литературы (Чосер, Бокаччио) относится уже к явлениям Ренессанса.

Литература такого характера была распространена в западнославянских странах. Уже в XIV в. в Чехии появилась стихотворная обработка басен Эзопа, а в XV в. — легендарная биография Эзопа (в начале XVI в. она была переведена и в Польше);⁴⁰ в начале XVI в. в Чехии был переведен другой басенный сборник — басни о животных Бидпая (индийско-арабский эпос «Калила и Димна»);⁴¹ Оба эти сборника наряду с новеллами, входившими в состав «Римских деяний» (известных западнославянским странам), сыграли большую роль в развитии европейской новеллистики, оказав влияние на «Декамерон» и другие литературные памятники Возрождения.⁴² В XV в. в западнославянских странах получают распространение «Беседы, которые вел Соломон с Мархолтом, грубым и беспутным» — памятник, высмеивавший возвышенные идеалы рыцарской литературы (в начале XVI в. польский перевод «Соломона и Мархолта» был уже напечатан).⁴³ Рыцарскому служению даме, защитником которого в данном случае выступал женолюбивый Соломон, хитрый простолоудин Мархолт (Морольф) противопоставлял популярные в фольклоре сатирические анекдоты о «злых женах». ⁴⁴ К XV в. относится и «Беседа Магистра Поликарпа со смертью» — польская сатирическая поэма-диалог на популярную в народной средневековой литературе тему о равенстве перед смертью всех людей независимо от их знатности или богатства.⁴⁵

Если мы обратимся теперь к России того же периода, то обнаружим ряд сходных черт между русской и западнославянскими литературами. Светская письменность на Руси сложилась задолго до XV в. и была представлена замечательными памятниками — летописями, воинскими повестями; еще в Киевской Руси появились переводы «Иудейской войны»

⁴⁰ J. V l ě e k. Dějiny české literatury, I, стр. 52, 216; J. J a k u b e c. Dějiny literatury české, I, стр. 600; J. K r z y Ź a n o w s k i. Romans polski wieku XVI, стр. 15; Bibliografia literatury polskiej..., стр. 93—95.

⁴¹ Mikuláš K o n á ě z H o d i š k o v a. Pravidlo lidského života. Praha, 1961; J. V l ě e k. Dějiny české literatury, I, стр. 272. Перевод М. Конача (см. стр. 280—281) относится к 1528 г., однако можно думать, что текст «Калилы и Димны» проник к западным славянам несколько раньше, так как в XVI в. возникает уже западнорусский (белорусский) перевод «Келили й Дымны», сделанный, очевидно, с польского или чешского оригинала (М. Гепенер. До історії української повісти.— Записки історично-філологічного відділу Української Академії наук, кв. XII. Київ, 1927, стр. 40—47).

⁴² Ср.: I. C. D u n l o p. History of Prose Fiction (ed. by H. Wilson), vol. II. London, 1888, стр. 1—20.

⁴³ Bibliografia literatury polskiej..., стр. 103 и 107; J. K r z y Ź a n o w s k i. Romans polski wieku XVI, стр. 14—15, 150—151. Свидетельства о знакомстве чехов с «Соломоном и Мархолтом» в XV в. см.: С. Z í b r t. Markolt a Nevím v literatuře staročeské.— Sbirka pramenův ku poznání literárního života v Čechách, na Moravě a v Slezsku, sk. 1, ř. I, ř. II, č. 8 Praha, 1909, стр. 21—25; J. J a k u b e c. Dějiny literatury české, I, стр. 612. Недавно Я. Колар заявил о своем несогласии с обычной датировкой чешского «Соломона и Мархолта», указав, что разберет этот вопрос в специальной статье (см.: J. K o l á r. Česká zábavná próza 16 stoletíu tzv. knížky lidového čtení.— Rozpravy Československé Akademie Věd. Řada společenských věd, ř. 70, s. 11. Praha, 1960, стр. 26, прим. 57); однако такая статья нам пока неизвестна.

⁴⁴ J. K r z y Ź a n o w s k i. Romans polski wieku XVI, стр. 148; А. Н. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине.— Собрание сочинений, т. XV, вып. 1. Пгр., 1921, стр. 280—281.

⁴⁵ Текст этого памятника см.: W. N e h r i n g. Altpolnische Sprachdenkmäler. Berlin, 1887, стр. 281—293; Materiały i prace komisji językowej Akademii Umiejętności w Krakowie, t. I. Kraków, 1904, стр. 181—196; ср. I. J a n ó w. Polikarp na Rusi.— Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, t. III. 1958; В. Б. Оболевич. История польской литературы. Л., 1960, стр. 38—39. Ср. исследование Р. П. Дмитриевой в этом томе, стр. 303—317.

Иосифа Флавия, «Повести о Варлааме и Иоасафе» и т. д. Но именно в XV в. в русской рукописной традиции появляется большая группа памятников чисто беллетристического характера, резко выделяющихся на фоне преимущественно церковной литературы. Перечисление этих памятников показывает, что русского читателя XV в. привлекали почти такие же произведения переводной светской литературы, что и его западнославянских собратьев.

Перевод греческой так называемой псевдокаллисфеновой «Александрии» был известен на Руси еще до XV в.: он был включен в состав больших исторических компиляций XIII—XV вв. (Иудейский хронограф, Еллинский летописец). В XV в. в Россию проникает так называемая сербская «Александрия». Причина вытеснения хронографического повествования об Александре сербской «Александрией» не раз отмечалась исследователями: сербская «Александрия» была типичным рыцарским романом с рядом любовно-лирических (Александр и Роксана) и элегических отступлений.⁴⁶ В XV в. на Руси появляется (вместе с болгарской Хроникой Манассии) другой рыцарский «исторический» роман — «Троянская притча» (или «Притча о кралех»), заменившая более сухой рассказ о Троянской войне, читавшийся в исторических компиляциях XIII—XV вв. В то же примерно время была переведена и «Троянская история» Гвидо де Колумна. Первые известные нам списки «Троянской истории» относятся к XVI в., но прямая ссылка на этот памятник в предисловии к «Житию Михаила Клопского» начала XVI в. (и возможные заимствования в «Повести о Царьграде» Нестора Искандера) позволяют датировать русский перевод «Троянской истории» концом XV в.⁴⁷ Знала Россия XV в. и легенды о «блаженных странах», в частности «Сказание об Индийском царстве» (послание царя-священника Иоанна византийскому императору): славянский перевод этого памятника был сделан, по-видимому, еще в XIII в., но его первые русские списки датируются XV в.⁴⁸

Наряду с рыцарским романом в русской рукописной традиции XV в. появляется и другой вид литературы, характерный для этого периода, — басенно-сатирический. Индо-арабские басни о животных (басни Бидпая) были переведены в Византии на греческий язык, причем их главные герои — шакалы Калила и Димна — получили имена Стефанита и Ихнилата; с греческого оригинала был сделан южнославянский перевод памятника. Два древнейших русских списка «Стефанита и Ихнилата» относятся к XV в.; в литературе эти списки иногда именуются болгаро-русскими,⁴⁹ но болгарские элементы свойственны только их языку: по месту своего написания это русские списки, входящие в состав рукописных сборников, где содержатся родословия русских князей и другие русские памятники XV в.⁵⁰

⁴⁶ Ср.: А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв., стр. 23—24.

⁴⁷ Там же, стр. 34—45; ср.: А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, вып. II. СПб., 1888, стр. 25—121; А. С. Орлов. Повесть кн. Катырева-Ростовского и «Троянская история» Гвидо де Колумна, стр. 78; Н. В. Геппелер. К истории перевода Повести о Трое Гвидо де Колумна, стр. 356; ср. также: Повести о житии Михаила Клопского. Подготовка текста и статьи Л. А. Дмитриева. М.—Л., 1958, стр. 164—165.

⁴⁸ М. Н. Сперанский. Сказание об Индийском царстве. — ИпоРЯС, т. III, кн. 2. Л., 1930.

⁴⁹ Стефанит и Ихнилата. М., 1880—1881 (ОЛДП, вып. LXXVIII), предисловие А. Викторова, стр. II и VI.

⁵⁰ ГИМ, Синод., № 367 (Горский-Невоструев, № 203), лл. 493—548 об.: ср. лл. 220—222 (родословие русских князей кончается сыном Ивана III Иваном Ивановичем; приписан внук Ивана III Дмитрий); ГБЛ, Троицк., № 765 (1654), лл. 255—

В русской рукописной традиции XV в. сохранился и памятник, аналогичный западному «Соломону и Мархолту». Это — рассказ о Соломоне и Китоврасе, полузвере, получеловеке, который, как и Мархолт, оказывается пронидательнее мудрого царя. До последнего времени «Соломон и Китоврас» был известен только по тексту Хронографической Толковой Палеи XV в. и по поздним вариантам — XVII—XVIII вв. В настоящее время нам известен отдельный рассказ о Соломоне и Китоврасе по сборнику XV в., принадлежащему выдающемуся книгописцу того времени Ефросину. Текст Ефросина свидетельствует о том, что в рассказе о Соломоне и Китоврасе, как и в «Мархолте», важное место занимала тема женского коварства: в новонайденном рассказе сам Китоврас оказывается жертвой «женской злобы»; пойманный благодаря предательству изменницы-жены, он заявляет, что «всего есть лучши своя воля», и вырывается на волю.⁵¹ В конце XV в. на Руси был переведен и популярный на Западе диалог человека со смертью — «Прение живота со смертью».⁵² «Эзоп» не был, по видимому, известен на Руси до XVII в., но в списках XV в. распространена была (переведенная, вероятно, еще в Киевской Руси) «Повесть об Акире премудром», тесно связанная (по происхождению и отдельным сюжетным мотивам) с легендарной биографией Эзопа.⁵³

Совпадения в составе беллетристических памятников, распространявшихся в XV в. в Чехии, Польше и России, не были следствием прямого западнославянского влияния. Из всех перечисленных произведений только «Троянская история» может (да и то весьма предположительно) считаться памятником западнорусского происхождения. Большинство перечисленных переводных произведений восходит к южнославянским переводам. Родиной так называемой сербской «Александрии», «Троянской притчи» и «Сказания об Индийском царстве» была, по всей видимости, Далмация — южнославянская область, тесно связанная с Венецией и рано воспринявшая веяния итальянского Ренессанса.⁵⁴ Басни Бидпая через южнославянский источник восходят в русской редакции («Стефаниит и Ихнилат») к греческой обработке арабского оригинала, а в чешской — к еврейско-латинской, сделанной на испанской почве.⁵⁵ Все легенды о Соломоне и его остроумном собеседнике, бытовавшие в славянских литературах, в конечном счете восходят к иудейскому источнику, но пути их проникновения к западным

280; ср. л. 84 (родословие русских князей кончается сыном Ивана III Иваном Ивановичем), лл. 174—179 (ярыки русским митрополитам), л. 254 (отрывки из завещания Василия II и др.).

⁵¹ ГПБ, Кир.-Бел., № 11/1088, лл. 262—263; ср.: Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 158—159. Другие тексты «Соломона и Китовраса» см.: Памятники отреченной русской литературы, изд. Н. Тихонравовым, т. 1. М., 1863, стр. 254—257; Памятники старинной русской литературы, вып. III. СПб., 1862, стр. 51—52, 59—61.

⁵² И. Н. Жданов. К литературной истории русской былевой поэзии. — Сочинения, т. I. СПб., 1904, стр. 493—743.

⁵³ Древнейшие русские списки (XV в.). — ГБЛ, ОИДР, № 189; ГПБ, F.1.691; ср.: А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. М., 1913.

⁵⁴ А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, вып. II, стр. 99—100; В. М. Истрин. Сказание об Индийском царстве. М., 1893, стр. 61; А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв., стр. 23, 27.

⁵⁵ V. Lesny. Zur tschechischen Version des Liber Kalilae et Dimnae. — Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, B. XXX, H. 3—4. Wien, 1917—1918, стр. 338—346; Книга Калилаа и Димнаа (сборник басен, известная под именем басен Бидпая), пер. М. О. Аттая и М. В. Рябинина. М., 1889, стр. LXV—LXX; Труды по востоковедению, изд. Лазаревским институтом восточных языков, вып. VIII. М., 1904, стр. LXIX—LXXIX.

и восточным славянам были разными: в Чехию и Польшу они проникли из Германии, в Россию скорее всего — из Болгарии (оригинал был греческий, может быть с некоторой дополнительной обработкой по еврейскому источнику).⁵⁶ Возможно, конечно, что, не будучи местом, где сложились интересующие нас переводные памятники, Западная Русь была в некоторых случаях посредником, через который Северо-Восточная Русь получила некоторые из них (например, сербскую «Александрию», «Стефанита и Ихнилата»).⁵⁷ Однако и это предположение мало вероятно, так как связь между развитием светской литературы в Западной и Московской Руси была весьма слабой и ряд беллетристических памятников, известных в белорусско-украинских версиях XV—начала XVI в. (повесть о Тоудале, западная редакция «Калилы и Димны»), в русскую литературу так и не проник. Непосредственно из Западной Европы (из Германии) проникает на Русь и «Прение живота и смерти».⁵⁸

Совпадения между репертуаром светской литературы в западнославянских странах и в России не являются следствием прямого заимствования, и тем более заслуживают внимания, ибо они свидетельствуют о параллельности литературного развития этих стран в XV в. Совпадают не только сюжеты светской литературы, совпадает и их функция (за исключением «Прения живота и смерти», о котором мы будем говорить далее). И у западных, и у восточных славян романы об Александре и Троянской войне воспринимались как рыцарские романы; рядом с «высокой» рыцарской и утопической беллетристикой и там и здесь распространялась басенно-сатирическая беллетристика. О том, что литература беллетристического характера осознавалась на Руси как особенный, специфический жанр, свидетельствует и рукописная традиция; уже упомянутый нами писец конца XV в. Ефросин явно подбирал памятники подобного типа, поместив в одном сборнике сербскую «Александрию», «Сказание об Индийском царстве» и два варианта «Соломона и Китовраса» наряду с близкой к ним по жанру русской «Повестью о Дракуле».⁵⁹

Характер светской литературы и ее общественная функция были, таким образом, в XV в. сходны в западнославянских странах и в России. Не все перечисленные памятники воспринимались как «отреченная литература» подобно «Соломону и Китоврасу», занесенному еще в XIV в. в индексы запрещенных книг, но все они, в сущности, были «неполезными

⁵⁶ А. Н. Веселовский. Собрание сочинений, т. VIII, вып. 1. Пгр., 1921, стр. 244—249.

⁵⁷ О том, что списки так называемой сербской «Александрии» (все или только западнорусские?) могли восходить к каким-то переработкам сербской «Александрии» на белорусско-украинский язык, писал М. С. Грушевский (Исторія української літератури, т. V, стр. 107—109). Однако известен только один западнорусский список (точнее маленький отрывок — в 2 листа) сербской «Александрии», который может быть (и то предположительно) отнесен к концу XV в. (ГПБ, Q.XVII.257, лл. 1—2 об.). Для установления литературной истории сербской «Александрии» на восточнославянской почве необходимо исследование богатейшей рукописной традиции этого памятника (см. прим. 107—110); пока такого исследования нет, а работа С. Ю. Гаевского (Повість «Александрія» в українській літературі. До питання про сербську редакцію «Александрії». — Відбитка з Наук, Сбірника Істор. Секції ВУАН. Київ, 1928) опирается на поздние (за исключением одного) и случайные списки, оказавшиеся в украинских собраниях, и это обстоятельство совершенно обесценивает ее выводы. В одном из двух списков «Стефанита и Ихнилата» XV в. (ГИМ, Синод., № 367) эта повесть читается рядом с западнорусскими памятниками («Страсти Христовы» и т. д., ср. прим. 50 и 26), но западнорусских списков этого произведения мы не знаем.

⁵⁸ H. Raab. Zu einigen niederdeutschen Quellen des altrussischen Schrifttums. — Zeitschrift für Slawistik, Bd. III, H. 2—4, 1958.

⁵⁹ Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV века, стр. 156—165.

повестями», к чтению которых церковная проповедь относилась весьма подозрительно. Подбор и распространение подобных «неполезных повестей» свидетельствовали об ослаблении того «верховного господства богословия во всех областях умственной деятельности»,⁶⁰ которое было присуще средневековью.

Но было ли это ослабление «верховного господства богословия» в чешской, польской и русской литературах сколько-нибудь глубоким и органическим? Выше мы говорили в основном о переводных памятниках: именно эти памятники дают возможность установить непосредственное совпадение между сюжетами светской литературы, имевшей хождение в трех славянских странах. Для решения вопроса о серьезности тех изменений, которые происходят в славянских литературах XV в., особенно важны, конечно, оригинальные памятники, возникшие в самих славянских странах. Такие памятники также существовали в этот период: наряду с переводными повестями в славянских странах XV в. возникают и собственные, оригинальные произведения художественной литературы. Рядом с поэтической «Александрией» в Чехии возникла рифмованная «Далимилова хроника»; рядом с баснями Эзопа — сатирические стихотворения и сатирическая народная драма. Оригинальная художественная литература на национальном языке складывается в XV в. и в Польше (оригинальным произведением, хотя и написанным на широко распространенный сюжет, была «Беседа магистра Поликарпа со Смертью»).

То же происходит и в России. К XV в. относятся русская «Повесть о Вавилоне», «Повесть о Царьграде», «Повесть о Дракуле»; тогда же была создана, очевидно, и «Повесть о Басарге», дошедшая до нас только в более поздних списках, но отражающая обстановку XV в. (неупоминание о турках).⁶¹ XV век в истории русской литературы был ознаменован не только появлением ряда памятников светской письменности, но и изменениями в самом художественном методе русских писателей — началом отхода от того прямолинейного «воинствующего дидактизма», от «черно-белого» изображения людей, которое исследователи считают характернейшей чертой средневековой русской литературы.⁶² Уже герои переводной беллетристики в значительной степени нарушали принципы «воинствующего дидактизма»: ни Александр Македонский, ни герои Троянской войны не были носителями христианских добродетелей; в их похождениях читателя привлекала не столько поучительность, сколько занимательность; еще менее удовлетворял дидактическим принципам получеловек, полузверь Китоврас, которого никак нельзя было признать ни положительным, ни отрицательным героем. Оригинальная русская беллетристика также порывала с принципами прямолинейного дидактизма. Центральный герой «Повести о Дракуле», «зломудрый» государь, искореняющий «зло» в своей стране, был сложной фигурой, не вполне положительной, но и не совсем отрицательной; в самом построении повести причудливо соединились некоторые заимствования из «Александрии» с анекдотами фольклорного характера. На таком же фольклорном сюжете о простачке (ребенке), отгадывающем замысловатые загадки злого царя, была построена и «Повесть о Басарге», перекликающаяся с популярными в мировой литературе рас-

⁶⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 7, стр. 360.

⁶¹ М. О. Скрипиль. Повесть о купце Дмитрие Басарге и сыне его Борзомысле. — В кн.: Русские повести XV—XVI веков. М.—Л., 1958, стр. 400—401.

⁶² Ср. характеристики художественного метода древнерусской литературы в работах: Д. С. Лихачев. Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, стр. 9, 15, 65, 81, 86, 113; И. П. Еремин. О художественной специфике древнерусской литературы. — Русская литература, 1958, № 1, стр. 79 и 82.

сказами об императоре и аббате (один из вариантов этого рассказа читался и в «Римских деяниях»)⁶³.

Изменения, происшедшие в XV в. в русской и западнославянских литературах, сами по себе были еще не очень велики: речь шла о появлении и распространении группы переводных и оригинальных памятников беллетристического типа. По характеру и сюжетам (частично заимствованным из античной и восточной литератур) эти произведения следовало бы скорее отнести к средневековой, нежели к возрожденческой литературе. Только будущее могло решить, окажутся ли эти памятники изолированным явлением или будут началом нового этапа в истории славянских литератур.

II

В XVI в. политические связи России со странами Западной Европы стали частыми и весьма широкими; международная роль Русского государства и его влияние на политику соседнего Польско-Литовского государства неизмеримо выросли по сравнению с предшествующим временем.

Начало XVI в. было ознаменовано важными событиями в истории славянских стран центральной Европы. Разделенные между Венгрией и Ягеллонами земли чешской короны были предметом борьбы нескольких государств: в 1491 г., после смерти Матвея Корвина, Владиславу Ягеллону (сыну Казимира и брату трех последующих польских королей — Яна-Альбрехта, Александра и Сигизмунда I) удалось объединить под своей властью Чехию и Венгрию, но уже в начале XVI в., при малолетнем сыне Владислава Людовике, борьба между Габсбургами и Ягеллонами за Венгрию и Чехию возобновилась. Закончилась эта борьба вмешательством третьей, грозной силы, неуклонно наступавшей на Европу с востока. В 1526 г. юный Людовик пал в битве с турками: Венгерское королевство (включая Словакию) стало вассалом Турции; чешский престол достался Фердинанду Габсбургу (впоследствии ставшему германским императором). В обстановке ожесточенной внутренней борьбы и не ослабевавшей турецкой угрозы политические деятели центральной Европы не могли не считать за крупнейшим восточноевропейским государством, которое они сами признавали единственным реальным соперником Турции — Московией. Не раз обращались к русскому государю с предложением союза против Ягеллонов Габсбурги — Максимилиан I, Карл V и Фердинанд I.

С середины XVI в., после начала Ливонской войны, габсбургские и польские публицисты заговорили о «московской опасности»; взяв под свое покровительство разгромленный Орден, польский король вступил в 1559 г. в войну с Россией; габсбургский император объявил блокаду занятой русскими Нарвы. В ходе Ливонской войны Польша и Германская империя не раз вступали в переговоры с Иваном IV, пытаясь убедить его переменить свою политику и выступить против Турции. Международная и политическая роль Русского государства особенно возросла в годы «польского бескорольевья», наступившего в 1572 г., после смерти последнего Ягеллона Сигизмунда II Августа. Во время борьбы за польский престол, в которой участвовали все основные силы тогдашней Европы (германский император, французский король, турецкий султан, папа и протестантские силы), выдвигалась и кандидатура русского царя в качестве государя объединенного

⁶³ В. Андерсон. Император и аббат История одного народного анекдота, т. 1. Казань, 1916, стр. 100—106.

Русско-Польско-Литовского государства.⁶⁴ Кончилось «бескорольевье» воцарением Стефана Батория — трансильванского князя, бывшего ставленника султана, быстро нашедшего общий язык с католическими силами и добившегося (благодаря введению свежих наемнических сил) успешного для Польши окончания Ливонской войны. Однако и в царствование Батория, и после вступления на польский престол его преемника сына шведского короля Сигизмунда III Вазы столкновения с Россией постоянно перемежались дипломатическими переговорами; культурное общение между обеими странами не прекращалось и в конце XVI в.

Культурные связи с западнославянскими странами получили некоторое отражение в русских памятниках XVI в. Среди русских писателей и публицистов XVI в. были люди, знакомые с западнославянскими странами, их языками и литературой. С западнославянской средой был тесно связан, например, Иван Пересветов, до своего приезда в Россию (в 30-х годах XVI в.) служивший и польскому королю, и венгерскому королю (турецкому вассалу) Яну Заполе, и его сопернику «четвтому королю Фердинанду».⁶⁵ Знал польский язык (и даже хвалился знанием его в беседе с польскими послами) Иван Грозный.⁶⁶ Едва ли уступал царю в знакомстве с польской письменностью его антагонист — Андрей Курбский; это знакомство началось еще на Руси (апокрифическое Никодимово евангелие)⁶⁷ и стало еще более широким после бегства мятежного князя в 1564 г. в Западную Русь.

Переводы с западнославянских языков (если иметь в виду переводы, обращавшиеся в Русском государстве, а не в Западной Руси) были в России XVI в. несколько многочисленнее, нежели в предыдущем столетии. В XVI в. была переведена на русский язык «Всемирная хроника» Мартина Бельского — выдающийся памятник польской историографии, основанный в большой степени и на чешских материалах. «Перевод с летописца польского и перевод с космографии» упоминался уже в Описи царского архива 1572—1575 гг.; перевод этот, как указывалось в дьяческой записи, был «отдан к государю» — Ивану IV.⁶⁸ Хроника Бельского была, по-видимому, использована официальным русским летописанием.⁶⁹ Наряду с переводом, хранившимся в царском архиве, в 1584 г. в России появился и другой вариант Хроники Бельского, сделанный на основе западнорусского перевода.⁷⁰ Следует отметить, что о проникновении литера-

⁶⁴ Ср.: А. Трачевский. Польское бескорольевье по прекращении династии Ягеллонов. М., 1869, стр. 250—266; Я. С. Лурье. Новые данные о посольстве Сувгорского и Ардыбашева в 1576 г. — Исторические записки, т. 27. М., 1948, стр. 293—294; Л. А. Дербов. К вопросу о кандидатуре Ивана IV на польский престол (1572—1576). — Ученые записки Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского, т. XXXIX, 1954, стр. 207—212.

⁶⁵ Сочинения И. Пересветова. Подготовил текст А. А. Зимин. М.—Л., 1956, стр. 164.

⁶⁶ Сборник Русского исторического общества, т. 71. СПб., 1892, стр. 289. Ср. полонимы в сочинениях Грозного: Послания Ивана Грозного. Под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1951 (серия «Литературные памятники»), стр. 206, 225, 234.

⁶⁷ Письма кн. А. М. Курбского разным лицам (оттиск из РИБ, т. XXXI). СПб., 1913, столб. 21 («а се лжесплетение и прежде аз видах, польским языком написано»).

⁶⁸ Описи Царского архива и архива Посольского приказа. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, стр. 41.

⁶⁹ С. П. Розанов. «Никоновский» летописный свод и Иоасаф как один из его составителей. — ИпоРЯС, т. III, кн. 1. Л., 1930, стр. 284—285.

⁷⁰ А. Н. Попов. Обзор хронографов русской редакции, вып. 2. М., 1869, стр. 13—14; ср.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв., стр. 53—54; Wasyl Lew. Ukraiński peryklad Chroniky Martyna Bieliskoho. Warszawa, 1935.

туры из Польши заботились в XVI в. не только русские власти, но и враги Москвы: во время своего похода на Русь в 1581 г. Стефан Баторий специально отправил Ивану IV перевод Хроники Гваньини, в которой описывались жестокости царя.⁷¹

Проникали в Россию польские памятники и более нейтрального характера, например «Лечебник» (травник) Спичинского, переведенный в 1588 г. по приказу серпуховского воеводы.⁷²

Культурное общение между Россией и западнославянским миром выразилось в XVI в. не только в переводах литературных памятников. Как и в предыдущем столетии, мы наблюдаем в этот период известный параллелизм в идеологических движениях западного и восточного славянства.

Для Чехии и Польши XVI век был временем широкого развития реформационно-гуманистических движений. Чешские реформаты, остававшиеся до начала XVI в. единственной в Западной Европе церковью, не признававшей папства, получили после 1518 г. мощную поддержку со стороны германского и общеевропейского реформационного движения. Вплоть до начала XVII в. Габсбургам, несмотря на их старания, не удавалось подавить чешский протестантизм. Широкое реформационное движение развивается в XVI в. и в Польше: наряду с лютеранством и кальвинизмом сюда проникают (и широко распространяются в восточных областях Польско-Литовского государства) наиболее радикальные движения «чешских братьев» и «польских братьев» или социниан (противников догмата о троице).

Русские реформационные (еретические) движения, возродившиеся в середине XVI в., имели не только сходные черты, но и прямые связи с реформационными движениями западного славянства. Наиболее радикальный из еретиков древней Руси холоп Феодосий Косой после осуждения его церковным собором в 1554—1555 гг. бежал со своими сподвижниками в Литву, где сблизился с «польскими братьями» и стал одной из виднейших фигур в реформационном движении Польско-Литовского государства. Социниане — сторонники Косого — выступают в дальнейшем в Литве как представители одного из наиболее радикальных реформационных движений; из их лагеря выходят такие памфлеты, как легендарное «Письмо половца Смеры великому князю Владимиру». ⁷³ Приверженцы Косого продолжают действовать и на Руси, и «обличителям» приходится вступать с ними в развернутую полемику.⁷⁴

С движениями западнославянской общественной мысли перекликались не только выступления Косого и его сподвижников. Если сторонник «рабьего учения» Косой сходился во взглядах с радикальнейшими протестантами Польско-Литовского государства, то в произведениях более умеренного публициста XVI в. Ивана Пересветова выделяются определенные черты близости с сочинениями польских гуманистов того времени. Характерное для Пересветова противопоставление засилию «вельмож» сильного

⁷¹ Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. Псков, 1882, стр. 53; Ответ Ивана IV панскому нунцию Поссевину. — Памятники дипломатических сношении древней России с державами иностранными, т. X. СПб., 1871, стлб. 234. Отрывок из Гваньини читается в рукописных сборниках сочинений Курбского, ср.: Послания Ивана Грозного, стр. 549.

⁷² Л. Ф. Змеев. Русские врачевники. — ПДП, СХII. СПб., 1895 (1896), стр. 37—52.

⁷³ Ср.: И. М а л ы ш е в с к и й. Подложное письмо половца Ивана Смеры к великому князю Владимиру Святому. — Труды Киевской Духовной академии, т. II, 1876, июнь, стр. 472—553.

⁷⁴ Послание многословное. Сочинения инока Зиновия. М., 1880 (оттиск из ЧОИДР, 1880, кн. 2); Истины показание к вопросившим о новом учении. Сочинение инока Зиновия. Казань, 1863.

государства турецкого султана Мухаммеда II встречалось уже в «Записках янычара» Константина из Островицы, появившихся в Польше в начале XVI в. и, возможно, известных Пересветову;⁷⁵ светская концепция государства, программа реформ в государственном управлении и судопроизводстве, программа реорганизации армии и борьбы со злоупотреблениями — все это сближает Пересветова с крупнейшими польскими политическими писателями (писавшими уже после отъезда Пересветова в Россию) А. Фрыч-Моджевским и Миколаем Реем.⁷⁶

Но если в русском обществе XVI в. продолжали существовать, как и в XV в., идейные течения, близкие тем, которые развивались в Чехии и Польше, то отношение правящих кругов к этим течениям было совсем иным, чем в предыдущее столетие. Вплоть до конца XV в. еретическое движение на Руси не встречало серьезного противодействия со стороны великокняжеской власти: одним из виднейших деятелей этого движения был ближайший сподвижник Ивана III Федор Курицын, и сам Иван III, очевидно, считал возможным использовать некоторые учения еретиков (выступления против монастырей) для нужд своей политики. В этом отношении он сходилась со многими европейскими монархами — представителями «королевской» и «княжеской» реформации XV—XVI вв. Но с начала XVI в. положение изменилось. Идеи «реформации сверху» не получили развития в сколько-нибудь широких слоях господствующего класса Русского государства; еретики, рассуждавшие о том, «яже бог не повелел» (в том числе о вопросах общегосударственного неравенства), объективно оказывались антифеодальными идеологами. В начале XVI в. бывший покровитель еретиков Иван III санкционировал жестокою расправу над вольнодумцами. В XVI в. планы «княжеской реформации» больше не встречали поддержки со стороны государственной власти; ни Василий III, ни Иван IV не покровительствовали еретикам. Иван Грозный мог вести вполне дружественные переговоры с иноземными «люторями» — дипломатами и купцами; во время Ливонской войны он даже объявил протестанта — датского принца Магнуса — королем Ливонии под своим протекторатом и выдал за него замуж свою племянницу, обвенчав молодых супругов по смешанному протестантско-православному обряду.⁷⁷ Но все это были чисто дипломатические действия; среди своих русских и новоприсоединенных подданных царь не терпел «люторей». Он принимал непосредственное участие в соборах середины XVI в., осудивших Башкина, Косого и других еретиков. Начав Ливонскую войну (и военные действия против Польши) с резких антипротестантских лозунгов, Грозный уже в 1563 г. на деле доказал свою враждебность реформации, жестоко расправившись в Полоцке с одним из сподвижников Косого — социнианином Фомой.⁷⁸ Решительным противником всякого «люторства» показал себя Иван IV и в 1570 г., во время диспута с представителем секты «чешских братьев» Яном Рокитой. Дипломатические соображения (Рокита был членом польского посольства, заключившего важное для Грозного перемирие) и данное заранее обещание помешали царю возложить «опалу» на смелого проповедника, но, объявив Роките, что он «не токмо еретик», но «и слуга антихристов дияволь-

⁷⁵ Сочинения И. Пересветова, стр. 291, 312. О польском переводе Константина из Островицы (Михаила Константиновича) ср.: A. Brückner. Literatura polska. Paris (6. г.), стр. 22—23.

⁷⁶ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 437—440.

⁷⁷ Д. Цветаев. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований, стр. 212—213

⁷⁸ Ср. известие польского хрониста Андрея Венгерского в переводе И. Малышевского: И. Малышевский. Подложное письмо половца Ивана Смеры к великому князю Владимиру Святому, стр. 522—523

ского совета», царь запретил ему всякую дальнейшую пропаганду его взглядов: «А вперед бы еси своего учения в нашей стране не объявлял».⁷⁹

Враждебность к реформации была свойственна не только самому Ивану IV. Враждебность эту в большей или меньшей степени обнаруживали в XVI в. самые различные идеологи господствующего класса Русского государства, в том числе и такие противники Ивана Грозного, как троицкий игумен Артемий, осужденный церковным собором и вынужденный бежать в Литву, или князь Андрей Михайлович Курбский. Против «люторей», «цвинглиян», «калвинов» и их русских собратьев (Феодосия Косого и других) было направлено большинство посланий Курбского его литовским адресатам.⁸⁰ Ненависть к «новым толкованиям» своеобразно сливалась у Курбского с крайним презрением к «польской барбарии» — литературе на польском языке.⁸¹ Это очень характерное явление: учтем, что именно в XVI в. в Польше шла борьба за национальный язык в литературе (против латыни), и лучшие из гуманистов того времени писали именно на «польской барбарии».

Разгром еретических движений в начале и середине XVI в., резкая враждебность господствующего класса России ко всем реформационно-гуманистическим веяниям (усилившимся под влиянием постоянных сношений с Западом) в значительной степени объясняют те своеобразные черты русской литературы XVI в., которые обнаруживаются при сравнении ее с литературами западнославянских народов.

Для Польши и Чехии XVI век был веком Возрождения, временем наибольшего развития гуманизма в западнославянской науке (Коперник), литературе и искусстве. В переводах и оригиналах (латинских) в Чехии и Польше появляются основные сочинения античных авторов и западных гуманистов.⁸² Для нашей темы особенно важна одна сторона западнославянского Возрождения — широкий расцвет светской художественной литературы, той самой беллетристики, первые памятники которой имели хождение и в Чехии, и в Польше, и в России уже в XV в. Большую популярность сохраняет в западнославянской литературе рыцарский роман (в XVI в. на польском языке появляется «Отон», «Мелюзина», «Магелона» и другие памятники этого жанра),⁸³ но рядом с ним все большую роль начинает играть сатирическая бытовая новелла, связанная с городом и городской культурой. Наряду с известными уже нам баснями Бидная (в чешском варианте они именовались «Правила человеческой жизни»), «Соломоном и Мархолтом» и биографией Эзопа западнославянские издатели начала XVI в. публикуют ряд повестей о простаках-хитрецах: «Права Франты»,⁸⁴ «Эйленшпигель» (в польском варианте — «Совизжал», в чешском, появившемся во второй половине XVI в. — «Эйншпигл»),⁸⁵ «Понциан» («Семь мудрецов»)⁸⁶ и другие. Литература этого жанра, получив-

⁷⁹ Древнерусские полемические сочинения против протестантов, 1. Ответ царя Ивана Васильевича Грозного Яну Роките (отгиск из ЧОИДР, 1878, кн. II). М., 1878, стр. 61.

⁸⁰ Письма кн. А. М. Курбского разным лицам, стлб. 3—18, 53—56, 64, 79—86, 103—110.

⁸¹ Там же, стлб. 55 и 86.

⁸² J. Vlček. Dějiny české literatury, I, стр. 230—236, 265—266; J. Krzyżanowski. Romans polski wieku XVI, стр. 200—209. О польских переводах «Илиады» ср.: J. Mańkowski. Historia trojanska... стр. 354—355 и 373—376.

⁸³ J. Krzyżanowski. Romans polski wieku XVI, стр. 46—75.

⁸⁴ S. Zíbrt. Frantova práva, text prvotisku norimberského z r. 1518, Praha, 1904; ср.: J. Jakubec. Dějiny literatury české, I, стр. 612—613; J. Kolár. Česká zábavná próza 16 století..., стр. 16—17.

⁸⁵ J. Krzyżanowski. Romans polski wieku XVI, стр. 158—170; J. Kolár. Česká zábavná próza 16 století..., стр. 24, 32.

⁸⁶ J. Krzyżanowski. Romans polski wieku XVI, стр. 76—95.

шая у западных славян название «мархолтовской», или «совизжалъской», имела своих принципиальных защитников и пропагандистов: Микулаш Конач из Годичкова⁸⁷ в Чехии, Бернат из Люблина, Ян из Кочишек в Польше и другие. Характерно, что представители католической реакции обнаруживали резкую враждебность по отношению к «мархолтовской литературе»;⁸⁸ не менее характерно и то, что замечательный чешский гуманист-протестант Благослав, выступавший против наблюдавшейся в среде «чешских братьев» «враждебности к музам», чтит в числе других чешских гуманистов главного пропагандиста сатирической литературы Микулаша Конача.⁸⁹ Роль Конача и других представителей народно-сатирической литературы в западнославянском Возрождении была очень значительна;⁹⁰ для того чтобы понять эту роль, достаточно проследить дальнейшие пути развития светской литературы в Чехии и Польше.

Наряду со средневековой народной новеллой в западнославянские страны проникает и широко распространяется новелла Бокаччио. Первый перевод Бокаччио, как теперь выяснено, появился в Чехии еще в конце XV в., перевод этот был сделан Гинеком (Генрихом) Подебрадом, сыном короля Юрия Подебрада, не унаследовавшим отцовского престола и выступавшим в качестве писателя-гуманиста.⁹¹ Но главная заслуга в распространении Бокаччио у чехов принадлежала Микулашу Коначу, переведшему особенно интересные по своим возрожденческим тенденциям новеллы великого флорентинца.⁹² В середине XVI в. Бокаччио был переведен и в Польше.⁹³ Вместе с Бокаччио Конач переводил и другого классика европейской сатирической литературы — Лукиана.⁹⁴

Но дело не ограничивалось только переводами. Рядом с романами об Александре Македонском и Троянской войне в западнославянских странах появляется и оригинальный роман, например «История княжича Иоанна Финляндского» — беллетристическое произведение, посвященное государственному перевороту в Швеции, происшедшему за несколько лет до написания романа.⁹⁵ С традициями народной сатиры позднего средневековья было связано творчество двух крупнейших писателей польского Возрождения — Яна Кохановского и Миколая Рея.⁹⁶ Развивая традиции таких памятников, как «Беседа магистра Поликарпа со Смертью», Миколай

⁸⁷ Ср. предисловие Конача к одному из его изданий: J. Kolár. Česká zábavná próza 16 století..., стр. 15—16.

⁸⁸ J. Vlček. Dějiny české literatury, I, стр. 353—356; B. Nadolski. O historyczne i genetyczne ujęcie rozwoju prozy Renesansowej. — В кн.: Odrodzenie w Polsce, t. IV, 1956, стр. 315.

⁸⁹ J. Vlček. Dějiny české literatury, I, стр. 320—321.

⁹⁰ Сборник ответов на вопросы по литературоведению. (IV Международный съезд славистов). М., 1958, стр. 52—54; Odrodzenie w Polsce, t. IV, 1956, стр. 45—50, 321.

⁹¹ Hnyek z Poděbrad. Boccacciovské rozprávky; k vydání připravil Antonín Grund. Praha, 1950.

⁹² J. Kolár. Česká zábavná próza 16 století..., стр. 14—16; Сборник ответов на вопросы по литературоведению, стр. 53.

⁹³ J. Krzyżanowski. Romans polski wieku XVI, стр. 209—220.

⁹⁴ J. Vlček. Dějiny české literatury, I, стр. 272. В Польше переводы Лукиана, Апулея и других античных авторов осуждались католическими проповедниками наряду с «Мархолтом» (Odrodzenie w Polsce, t. IV, 1956, стр. 315).

⁹⁵ J. Krzyżanowski. Romans polski wieku XVI, стр. 37—45; C. Backvis. Histoire véridique de la pitieuse aventure du duc Jean de Finlande... — Revue des études slaves, t. 29, f. 1—4. Paris, 1952.

⁹⁶ Библиографию М. Рея и Я. Кохановского см. в книге: Bibliografia literatury polskiej okresu Odrodzenia, стр. 144—169 и 211—249; ср. русский перевод Кохановского: Ян Кохановский. Избранные произведения. Под ред. С. С. Советова. М.—Л., 1960 (серия «Литературные памятники»).

Рей пишет свою известную поэму «Краткая беседа между тремя лицами — паном, войтом и плебаном».⁹⁷

Творческое развитие переводной беллетристики приводит к возникновению в западнославянских странах XVI в. национального театра. Чехия знала средневековый театр (мистерию и фарс) еще до XVI в., но начало подлинной светской драмы связано в Чехии с тем же Микулашем Коначем из Годичкова. Используя один из сюжетов Бокаччио, Конач написал «Пьесу прекрасных рассказов», гуманистическую драму о Счастье, Нищете и Несчастье; создал он и первую чешскую пьесу на библейскую тему — «Юдифь».⁹⁸ В Польше аналогичная библейская драма «Жизнь Юзефа (Иосифа)» была написана Реєм; им же была написана пьеса «Купец», содержащая сатирические выпады против духовенства;⁹⁹ исследователи обнаруживают в этом памятнике прямые следы влияния «Беседы магистра Поликарпа».¹⁰⁰ Отправляясь от сюжета польской «Истории разрушения Трои», Кохановский написал в период «польского бескорольевья» весьма актуальную драму «Отказ греческим послам».¹⁰¹ В Чехии и Польше получает широкое распространение народная комедия на сюжеты «Мархолта», «Совизжала» и сходных с ними памятников; в Польше эта комедия так и именуется — «совизжалской».¹⁰²

Судьба светской художественной литературы в России была совсем иной. В русской литературе XVI в. не появилось ни одного беллетристического произведения, подобного тем, какие уже знала литература XV в. В XVI в. был создан ряд блестящих памятников русской публицистики, в том числе публицистики чисто светского характера (Пересветов, Иван Грозный, Курбский), продолжали развиваться летописание и хронография, создавались исторические сочинения нового типа, посвященные отдельным царствам и событиям («Летописец начала царства», «Казанская история»). «История о великом князе Московском», в конце XVI в. была написана такая яркая воинская повесть, как «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков». Но памятников чисто литературного характера, произведений, которые противопоставляли бы средневековой дидактической эстетике новый, беллетристический подход к материалу — занимательность, сатирическое и юмористическое решение серьезных тем, — русская литература XVI в. не знает. На территорию Русского государства, затворенного, по словам Курбского, «аки в адовой твердыне», не проникали и беллетристические памятники, которые в XVI в. начали получать распространение в Западной Руси, — повести о Тристане и Изольде, о Бове, об Атилле и т. д.¹⁰³

⁹⁷ K. Budzyk. Ideowo-artystyczne wartości literatury polskiego Odrodzenia. — В кн.: Odrodzenie w Polsce, t. IV, 1956, стр. 52.

⁹⁸ Сборник ответов на вопросы по литературоведению, стр. 61 (И. Грабак, М. Копецкий); J. Vlček. Dějiny české literatury, I, стр. 280—281.

⁹⁹ K. Budzyk. Ideowo-artystyczne wartości literatury polskiego Odrodzenia, стр. 52—54.

¹⁰⁰ J. Krzyżanowski. W wieku Reja i Stańczyka. Warszawa, 1958, стр. 193—194.

¹⁰¹ Jan Kochanowski. Odprawa posłów grekich Oprakoivał T. Ulewicz. Wrocław, 1962.

¹⁰² K. Budzyk. Z dziejów Renesansu w Polsce. Wrocław, 1953, стр. 58—126; Odrodzenie w Polsce, IV, 1956, стр. 375—381, 417—420. C. Zibrt. Markolt a Nevim v literaturie staročeské, стр. 129—188.

¹⁰³ A. Brückner. Ein weisrussisches Codex miscellaneus der Gräfllich-Raczynskischen Bibliothek in Posen. — Archiv für Slawische Philologie, Bd. IX, H. 3, 1886; А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести (вып. 2), стр. 129—131; В. Д. Кузьмина. Повесть о Бове-королевиче в русской рукописной традиции XVII—XIX вв. — В кн.: Старинная русская повесть. М.—Л., 1941, стр. 98, 105—108. В. Д. Кузьмина указывает, что первые ссылки на повесть о Бове относятся на Руси к 40-м годам XVII в. (письмо Бегичева), но считает косвенным свидетельством более раннего зна-

Если мы обратимся к рукописям, то обнаружим, что в русской рукописной традиции XVI в. не оказывается даже тех литературных произведений, которые были известны на Руси в XV в., а впоследствии в XVII в., получили широкое распространение. В нескольких случаях этот перерыв в рукописной традиции уже привлек внимание исследователей. Так, говоря о «Сказании об Индийском царстве», М. Н. Сперанский отметил «неравномерное распределение текстов» этого произведения: из 45 списков «Сказания», бывших в распоряжении исследователя, два списка относятся к концу XV в., а все остальные — XVII в. и более позднего времени. Такой же была судьба и «Повести о Дракуле» — русского беллетристического произведения XV в. Исследователь этого памятника А. Д. Седельников, указав на широкое территориальное распространение повести в конце XV в., заметил: «Тем удивительнее, что вслед за таким, казалось бы, многообещающим началом идет многолетний, чуть ли не на целое столетие, пробел, делающий судьбу памятника неясной».¹⁰⁴

Мы уже обращали внимание на то, что оба памятника, «исчезнувшие» в XVI в., принадлежали к числу произведений, содержавшихся в сборниках, составленных в XV в. таким любителем светской художественной литературы, как Ефросин, и что аналогичную судьбу испытал еще один «ефросиновский» памятник — «Задонщина».¹⁰⁵

В настоящее время мы можем пополнить список памятников, «выпавших» из рукописной традиции XVI в., еще двумя особенно интересными для нашей темы произведениями: сербской «Александрией» и «Стефанитом и Ихнилатом».

Литературная история сербской «Александрии» на русской почве изучена еще далеко не достаточно. А. Н. Веселовский ограничился историко-литературным комментарием к отдельным рассказам сербской «Александрии», а В. М. Истрин исследовал только ту «Александрию», которая читается в русских хронографах.¹⁰⁶ В библиографических трудах В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, А. А. Назаревского дается перечень рукописных списков «Александрии»,¹⁰⁷ но во многих случаях не отмечено, какая «Александрия» читается в том или ином списке — хронографическая или сербская (это даже не две редакции, а два разных памят-

комства с этой повестью имя Бовы, встречающееся в русских документах в 1590 и 1600 гг. (и имя Лукопера под 1604 г.). Однако едва ли эти имена должны свидетельствовать о бытовании на Руси данного литературного памятника (они могли прийти с Запада и помимо повести) и именно в XVI в. (а не раньше).

¹⁰⁴ М. Н. Сперанский. Сказание об Индийском царстве, стр. 369—374; А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле. — ИпоРЯС, т. II, вып. 2, 1929, стр. 640. М. Н. Сперанский называет в своем перечне списков «Сказания об Индийском царстве» сгоревшую мусин-пушкинскую рукопись, содержавшую наряду со «Словом о полку Игореве» и «Сказание», относя ее к XVI в., но эта датировка не может считаться установленной: ряд современников (в том числе Н. М. Карамзин) датировали мусин-пушкинскую рукопись XV в.; данные печатного текста дают основание исследователям говорить о «конце XV—начале XVI в.» как о предположительной дате написания рукописи (ср.: М. В. Щепкина. О палеографических особенностях рукописи «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 7—19).

¹⁰⁵ Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV века, стр. 165.

¹⁰⁶ А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, вып. 1. СПб., 1886, стр. 129—511; В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1894 (оттиск из ЧОИДР, 1894, кн. 2).

¹⁰⁷ Библиография истории древнерусской литературы. Древнерусская повесть, вып. 1. Составили В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. М.—Л., 1940 (далее: Библиография), стр. 26—43; Библиография древнерусской повести. Составил А. А. Назаревский. М.—Л., 1955 (далее: Назаревский), стр. 34—42.

ника на одну тему) и какие именно списки «Александрии» имеются в виду — южнославянские или русские. Последнее обстоятельство очень существенно: даже простое ознакомление с русскими списками так называемой сербской «Александрии» показывает, что перед нами совершенно самостоятельная редакция, сильно отличающаяся от текста южнославянских списков.¹⁰⁸ Если же мы проследим судьбу так называемой сербской «Александрии» в русской рукописной традиции, то убедимся, что древнейший русский список памятника и единственный полный список, относящийся к XV в., — это список Ефросина (ГПБ, Кир.-Бел., № 11/1088); кроме него, известен только отрывок «Александрии» в списке конца XV в.¹⁰⁹ Ни одного русского списка сербской «Александрии» XVI в. нет.¹¹⁰ В XVII в. и позже этот памятник становится одним из самых популярных произведений русской письменности и переписывается в сотнях рукописей.

Ту же картину мы наблюдаем и при исследовании рукописной традиции «Стефанита и Ихнилата». Мы уже указывали, что наряду с сербскими списками¹¹¹ до нас дошли два русских списка этого памятника XV в. Но русских списков «Стефанита и Ихнилата» XVI в. неизвестно; все остальные (довольно многочисленные) списки относятся к XVII и началу XVIII в.¹¹²

Конечно, отсутствие в наших хранилищах рукописей XVI в. определенного характера еще не может служить доказательством того, что таких

¹⁰⁸ Ср.: А. Н. Веселовский. О славянской редакции одного аполога Варлаама и Иоасафа. — СОРЯС, т. XX, № 3, 1879, стр. 7; Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV века, стр. 162, прим. 124.

¹⁰⁹ ГБЛ, Вол., № 655 («Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной Академии» иер. Иосифа, М., 1882, № 230), лл. 238 об.—262 (здесь помещены в обратном порядке два эпизода «Александрии»: поход на Трою и начало биографии Александра до завоевания Рима; текст в отличие от большинства русских рукописей очень близок к южнославянскому); ср. также западнорусский список (отрывок) ГПБ, Q.XVII.257 (см. прим. 57). Списки ГБЛ, Троицк., № 728 (1549) (Библиография, стр. 30—43, № 1) и Пискаревский, № 592 (162) (Библиография, № 3) содержат хронографическую «Александрию»; списки Берлинской королевской библиотеки, № 60 (Библиография, № 5; ср.: СОРЯС, т. 58, 1921. СПб., стр. 467), ГПБ, Q.XV.168 (Назаревский, стр. 34—42, № 1) и Q.XV.45 (ср.: Библиография, стр. 27) — южнославянские. Список ГИМ, Синод., № 154 (Библиография, № 4; ср. Псковские летописи, вып. 1. М.—Л., 1941, стр. XIII—XIV) содержит совершенно особый тип «Александрии»: это не сербская «Александрия», но вместе с тем она не совпадает ни с одной из редакций хронографической «Александрии».

¹¹⁰ Списки ГБЛ, Ундольск., № 749 (Библиография, № 10) и М., № 2398 (Библиография, № 14); ГИМ, Синод., № 86 (Библиография, № 9); ГПБ, Соф., № 1520 (Библиография, № 8); Соф., № 1449 (Библиография, № 13); БАН.45.13.4 (Библиография, № 11); Библ. АН УССР, № 157 (Муз. № 48) (Библиография, № 12); ЦГИАЛ, собр. Синода, № 4013 (Назаревский, № 3) содержит хронографическую «Александрию»; список ГБЛ, собр. И. Я. Лукашевича, № 35 (М.1178) (Библиография, № 7; Собрание И. Я. Лукашевича и Н. А. Маркевича. Описание. Составил Я. Н. Щапов. М., 1959, стр. 38) и Народной библиотеки Софии, № 319 (65) (Назаревский, № 2) — южнославянские.

¹¹¹ ГБЛ, собр. Севастьянова, № 1472; собр. Григоровича, № 54 (1736) (Стефанит и Ихнилат, стр. I—II, III—VI); БАН, 13.5.15 (Назаревский, стр. 150—151, № 1; ср.: Описание рукописного отделения БАН, т. 4, вып. 1. М.—Л., 1951, стр. 48—49).

¹¹² Стефанит и Ихнилат, стр. VII. Обнаруженный М. В. Геппенером список (ср.: Библиография, стр. 114) западнорусского (белорусского) происхождения XVI в., содержащий не болгаро-русского «Стефанита и Ихнилата», а отрывок из «Келиды и Димны», восходящий, очевидно, к западнославянскому оригиналу (см. прим. 41). Кроме списков, отмеченных в библиографических указателях, существует еще один список «Стефанита и Ихнилата», который может быть датирован началом XVII в. (1607 г.), см.: Древние рукописи. Антикварный каталог, № 64. Международная книга, М., 1935, стр. 11, № 16 (по сведениям, сообщенным нам Ю. К. Бегуновым, этот список в настоящее время находится в собрании А. П. Гранкова).

рукописей в это время вообще не существовало: они могли просто не сохраниться. Как ни бедны наши рукописные материалы XVI в., они все-таки значительно богаче рукописных материалов XV в.; отсутствие в рукописной традиции XVI в. ряда беллетристических памятников, сохранившихся в рукописях XV в. (не говоря уже о более поздних рукописях), едва ли можно поэтому считать случайным. Случайным скорее следует считать то обстоятельство, что до нас дошли, хотя и в единичных экземплярах, списки XV в. подобных памятников, благодаря чему мы и знаем, что они существовали на Руси уже задолго до XVII в. Можно предположить поэтому, что многие произведения, известные по спискам XVII столетия и более позднего времени, в действительности появились на Руси раньше, но «исчезли» из рукописной традиции так же, как сербская «Александрия», «Повесть о Дракуле» и другие памятники XV в. Такой, например, могла быть судьба «Повести о Басарге». Мы уже указывали, что, судя по историческим реалиям, сложение этой повести на русской почве следует датировать XV в. Но все довольно многочисленные списки «Повести о Басарге», известные исследователям, не старше XVII в.¹¹³ Еще в XII—XIII вв. на Руси появился перевод греческого героического эпоса о Дигенисе Акрите («Девгениево деяние»); светская повесть о Девгении была хорошо известна в конце XV—начале XVI в., ибо отразилась в рассказе о падении Пскова в 1510 г., но сохранилась она лишь в рукописях конца XVII и XVIII в.¹¹⁴

Рукописная традиция памятников древнерусской светской литературы, ее распределение по векам требуют еще дополнительного исследования.¹¹⁵ Но одно несомненно: если у западных славян беллетристические памятники позднего средневековья сыграли в XVI в. большую роль в дальнейшем развитии литературы, то в России того же времени эти памятники не получили дальнейшего развития. В одном случае это обстоятельство уже обратило на себя внимание исследователей. Сравнивая русские легенды о Соломоне и Китоврасе и западные о Соломоне и Морольфе (Мархольте), А. Н. Веселовский писал: «Ничто так не характеризует сравнительную производительность той или другой литературной среды, как то развитие, которое получают в нем одни и те же ходячие мотивы. Легенда о Китоврасе, несмотря на свою распространенность... осталась неподвижной... У западного Морольфа есть целая продуктивная история».¹¹⁶ Материал по «Соломону и Китоврасу», которым располагал А. Н. Веселовский, был неполон и взят без сопоставления с другими беллетристическими памятниками древней Руси, поэтому и вывод исследователя о «сравнительной производительности» русской и западной литературной среды нуждается в серьезных коррективах. Мы видели, что в XV в. сюжет о Китоврасе получил уже достаточное развитие на Руси: он был

¹¹³ Ср.: Библиография, стр. 212—215; Назаревский, стр. 48—49. Мы имели возможность также ознакомиться с обзором списков «Повести о Басарге» в неопубликованной монографии М. О. Скрипила об этом памятнике.

¹¹⁴ Ср.: Библиография, стр. 75; Назаревский, стр. 93. «Девгениево деяние» читалось и в мусин-пушкинской рукописи, содержавшей «Слово о полку Игореве» (см прим. 103). О влиянии «Девгениева деяния» на псковскую литературу см статью В. П. Адриановой-Перетц в «Истории русской литературы» (т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, стр. 403).

¹¹⁵ В своей рецензии на нашу книгу (где приводилось четыре примера памятников, сохранившихся в традиции XV в., но не известных в рукописях XVI в.) В. П. Адрианова-Перетц отметила, что «интересно было бы шире провести наблюдение над распределением списков произведений светской литературы в XV—XVII вв.» (ИЮЛЯ, т. XX, вып. 3. М., 1961, стр. 24). В настоящей работе нами указано еще несколько памятников с аналогичным распределением рукописной традиции; несомненно, что наблюдения такого рода можно еще продолжать.

¹¹⁶ А. Н. Веселовский. Собрание сочинений, т. VIII, вып. 1, стр. 279.

представлен (у Ефросина и в Толковой Палее) двумя разными вариантами и имел все возможности обрести дальнейшую «продуктивную историю». Но в XVI в. отдельный вариант Китовраса исчез, как исчезли многочисленные другие беллетристические сюжеты. Дело было, по-видимому, не в имманентных свойствах той литературной среды, в которой развивались беллетристические памятники русского позднего средневековья, а в тех внешних, исторических условиях, которые воспрепятствовали развитию русской беллетристики в XVI в.

Мы уже говорили о том, что разгром еретических движений на Руси и резкая антипротестантская и антигуманистическая позиция господствующих классов Русского государства в XVI в. помогают понять судьбы русской литературы этого периода. Враги реформационных движений постоянно выступали против светской литературы, видя в ней не только бесполезное, но и положительно вредное явление.¹¹⁷ «Да будет ти горко, неполезных повестей послушание, сотове же медвянии — святых мужь повести и божественных писаний прочитание», — писал Иосиф Волоцкий. Ту же направленность (вопреки традиционному, но никак не аргументированному мнению) имели и известные слова Нила Сорского: «Писания бо многа но не вся божествена суть», повторенные в XVI в. его учеником Артемием с прямым предостережением против «писаний» «от еретиков ложно сложенных на соблазн людям».¹¹⁸ В XVI в. «неполезные повести» исчезают из «четьих» сборников; одновременно происходит другой, не менее важный процесс — формирование больших литературных компиляций, своеобразных кодексов литературы, не вызывающей возражения с точки зрения господствующей религиозно-феодалной идеологии. Наиболее важным из этих кодексов были Макарьевские четьи-минеи, состоявшие не только из житий святых, но и из самых разнообразных, идеологически безупречных, с иосифлянской точки зрения, сочинений. Создаются и официозные исторические компиляции — Хронограф 1512 г. (также, по-видимому, связанный с иосифлянскими кругами), Степенная книга, Лицевой летописный свод середины XVI в.

Официальная идеология Русского государства и православной церкви XVI в. не отрицала всякой светской литературы, она отвергала лишь «неполезные повести». Это обстоятельство с достаточной ясностью обнаруживается из высказываний одного из виднейших «обличителей ереси» XVI в. Зиновия Отенского. Защищаясь против утверждения (действительного или мнимого) Феодосия Косого, что сочинения «обличителей», в частности «Просветитель» Иосифа Волоцкого, «законопреступны», ибо после седьмого вселенского собора VIII в. христианам не следует писать новых книг, Зиновий писал: «И по Косого суесловию, после седмаго собора не подобает писати и летописных книг, и царских памятописных книг, и уставных царских, иже направляют на благожизние царствия по странам. И аще сия упразднити хоцет, что сего несмысленее будет?».¹¹⁹

¹¹⁷ О подобных выступлениях в западнославянских странах см прим. 88. В Западной Руси против чтения «Александрии» и «Трои» выступал Ф. Скорина в предисловии к своему изданию Библии (П. В. Владимиров. Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. — ОЛДП, вып. ХС. СПб., 1888, стр. 116).

¹¹⁸ Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения XIV—начала XVI в., стр. 358. Это поучение заимствовано Иосифом Волоцким у византийского «отца церкви» Василия Кесарийского (Творения Василия Великого, ч. V. Троице-Сергиева лавра, 1901, стр. 43). Ср.: Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в., стр. 310—311, 320—321.

¹¹⁹ Истины показание к вопросившим о новом учении, стр. 930—931.

Итак, «летописные книги», «царские памятописные книги» и «уставные царские» наряду с ортодоксальной церковной литературой имеют право на существование. Это помогает понять судьбу не только тех памятников, которые «исчезли» из рукописной традиции XVI в., но и тех, которые в ней сохранились. Сербская «Александрия», появившаяся в XV в., как отдельное произведение — рыцарский роман, видимо, не удовлетворяла придирчивых цензоров XVI в.; но хронографическая «Александрия», существовавшая лишь как часть «летописных книг» (в том числе Хронографа 1512 г.), не вызывала возражений. «Троянская притча» также существовала лишь как часть исторических компиляций — Хронографа, Хроники Манассии и первого (библейско-исторического) тома Лицевого летописного свода XVI в. (в этом томе была помещена и «Троянская история» Гвидо де Колумна¹²⁰). Отдельный текст сказания о Китоврасе (ефросиновский) исчез из рукописной традиции, но легенды о Соломоне и Китоврасе внутри Хронографической Толковой Палеи продолжали переписываться: их, очевидно, надежно защищал основной текст Палеи — церковно-полюемического памятника, направленного против иудаизма и очень полезного при полемике с любыми антиринитарными ересями. Пиэтет по отношению к «царским памятописным книгам», обнаруживаемый официальной идеологией, объясняет и судьбу Хроники Мартина Бельского на Руси. Хроника эта, несмотря на присущие ей светские и гуманистические тенденции, была переведена при Иване Грозном, она надежно хранилась в царском архиве, выдавалась самому царю, а если использовалась, то, видимо, лишь для официального летописания.

Сохранились в рукописной традиции XVI в. и некоторые отдельные памятники светской литературы, как «Прение живота и смерти» и «Повесть о Динаре». Судьба диалога человека со смертью в русской литературе была своеобразной: сюжет этот, тесно связанный в западной литературе с темой природного равенства всех людей, со времени проникновения на Русь получил совсем иное звучание. Переведенное, по всей видимости, в противоречивом кружке новгородского архиепископа Геннадия, «Прение живота со смертью» (как показывает еще не завершённое исследование Р. П. Дмитриевой) переписывалось и распространялось в первую очередь в Иосифовом Волоколамском монастыре: напоминая людям о неизбежной смерти, русские редакторы «Прения» сопоминали его дополнениями в духе иосифлянской идеологии. Именно поэтому памятник этот не смущал иосифлян и в последующий период: в XVI в. был сделан даже перевод польского диалога со смертью («Сказание о смерти мистра некого») — один из немногих прямых переводов с польского, появившихся в этом веке.¹²¹ Распространялась в списках XVI в. и «дивная повесть зело полезна о девице, Иверского царя дщери, Динаре царице» — рассказ о грузинской царице Динаре, разбившей врагов с помощью бого-

¹²⁰ См.: В. Н. Шепкин. Лицевой сборник Имп. Исторического музея. — ИОРЯС, т. IV, кн. 4. СПб., 1900, стр. 1345—1385; А. Е. Пресняков. Московская историческая энциклопедия XVI в. СПб., 1900 (оттиск из ИОРЯС, т. V, кн. 3), стр. 4. Этот сборник и Лицевой летописный свод XVI в. в целом исследован также Т. Н. Протасевой в ее неопубликованной работе (ср.: О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей. Из истории русского лицевого летописания XIII—XVI вв. Автореферат диссертации. М., 1961, стр. 19).

¹²¹ Ср.: А. С. Croiset van der Korp. Altrussische Übersetzungen aus dem Polnischen. I. De morte prologus. Berlin, 1907 (параллельно польский и русский текст). Любопытно, что древнейший список перевода (ГБЛ, Волок., № 573, лл. 48—52) — это сборник Волоколамского монастыря, содержащий рядом со «Сказанием о смерти мистра некого» ояд посланий и других сочинений Иосифа Волоцкого (ср.: Послания Иосифа Волоцкого. М.—Л. 1959, стр. 134).

родицы и в благодарность за это отдавшей всю свою военную добычу в монастырь. Независимо от того, была ли эта повесть создана в кружке Макария (как полагает А. А. Зимин) или только использовалась там, ее близость к иосифлянской идеологии не вызывает сомнений.¹²²

Так разошлись в XVI в. пути развития русской и западнославянских светских литератур. Лишь в XVII в., после начала Крестьянской войны и иностранной интервенции, в период формирования общерусского рынка и нового усиления городов, памятники западнославянской беллетристики вновь начинают проникать на Русь. С чешского языка был переведен «Брунцвик», с польского — ряд рыцарских романов, «Римские деяния», «Семь мудрецов», «Эзоп»¹²³ и многие другие произведения светской беллетристики. Но это произошло уже в иную историческую эпоху, в период, когда сами западнославянские литературы пережили глубокий перелом после разгрома чехов под Белой горой и наступления контрреформации в Польше.

¹²² Ср.: А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники, стр. 102—108.
¹²³ А. В р ü с к н е г. О literaturze rosyjskiej i naszym do niej stosunku dziś i lat temu trzysty, стр. 77—79; J. К r z y ż a n o w s k i. Romans polski wieku XVI, стр. 266—269.